

ЦЕННОСТНАЯ ПОВЕСТКА ГОДА СЕМЬИ: ЛОКАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Евгения Александровна Вахрушева,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
Екатеринбург, Россия,
evgenia.vakhrusheva@mail.ru

Елена Сергеевна Кочухова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
Екатеринбург, Россия,
elena.kochukhova@yandex.ru

Получена 18.09.2024.

Поступила после рецензирования 17.10.2024.

Принята к публикации 22.11.2024.

Для цитирования: Вахрушева Е.А., Кочухова Е.С. Ценностная повестка Года семьи: локальное измерение государственной культурной политики // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 136–151. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_136

© Вахрушева Е.А., Кочухова Е.С., 2024

Аннотация

Год семьи как федеральный инструмент привлечения внимания общества к социально значимым темам транслирует ценности семьи, определяемые государственной культурной политикой. В статье поднимается вопрос о целостности ценностной повестки Года семьи, представлены результаты исследования ценностного наполнения региональных культурных мероприятий, приуроченных к Году семьи, связанных с федеральной повесткой. В качестве поля исследования выбран Екатеринбург, город с конкурентным культурным полем, где в реализацию Года семьи вовлечены институции муниципального, регионального и федерального подчинения. Ценностная повестка Года семьи определена по федеральным стратегическим документам. Она соотнесена с соответствующими положениями в региональных документах. Выявлены ценностные акценты в анонсах локальных культурных событий; они сопоставлены с федеральными ценностными установками. Показано, что в федеральной повестке в качестве ценностей выступают основанная на уважении многопоколенная семья, сохранение традиций, устойчивый во времени гетеросексуальный брак, установка на рождение детей и многодетность. Тематические мероприятия в исследуемых культурных институциях в 2024 г. не противоречат стратегическим ориентирам, но делают акцент, в целом, на одном сюжете – единении членов семьи. Отмечается, что в последние четыре года на региональном уровне в проектах различных культурных институций тема семьи не теряла своей привлекательности и была представлена широкой палитрой сюжетов. Полученные результаты вносят вклад в исследования культурной политики, восполняя нехватку работ, анализирующих связь между её федеральным и локальным уровнями.

Ключевые слова:

государственная культурная политика, локальная культурная политика, семейные ценности, Год семьи

Источники финансирования:

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 23–18–00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

THE YEAR OF THE FAMILY: ASSESSING THE VALUE AGENDA. LOCAL PERSPECTIVES WITHIN STATE CULTURAL POLICY

Evgenia A. Vakhrusheva,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
evgenia.vakhrusheva@mail.ru

Elena S. Kochukhova,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
elena.kochukhova@yandex.ru

Received 18.09.2024.

Revised 17.10.2024.

Accepted 22.11.2024.

For citation: Vakhrusheva, E.A., Kochukhova, E.S. (2024). The Year of the Family: Assessing the Value Agenda. Local Perspectives Within State Cultural Policy. *Discourse-P*, 21(4), 136–151. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_136

Abstract

The Year of the Family serves as a federal initiative aimed at drawing public attention to socially significant topics, while translating the values of family as defined in state cultural policy. The article addresses the integrity of the value agenda associated with the Year of the Family, and presents the findings from a study examining the value content of regional cultural events dedicated to this initiative in relation to the federal agenda. Ekaterinburg, as a city characterized by a competitive cultural landscape, was selected as the research site, where municipal, regional and federal institutions collaborate on the implementation of the Year of the Family. The value agenda for the Year of the Family is established in accordance with federal strategic

documents, which are then correlated with relevant regional provisions. The study reveals those value accents emphasized in the announcements of local cultural events and then compares them to federal values. The federal agenda emphasizes principles such as respect within multi-generational families, the preservation of traditions, time-stable heterosexual marriages, and a commitment to having children, including having multiple children. While the thematic events organized by cultural institutions in 2024 align with strategic guidelines, they predominantly focus on a singular narrative: the unity of family members. Over the past four years, the theme of family has maintained its appeal at the regional level, reflected in the wide variety of projects undertaken by diverse cultural institutions. The findings of this study contribute to the research of cultural policy, addressing the gap in literature that examines the connection between its local and federal dimensions.

Keywords:

state cultural policy, local cultural policy, family values, The Year of the Family

Funding:

The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) through grant No. 23–18–00427. For more information, please visit the RSF project page <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

Введение

Семья является одним из ключевых акцентов официальной внутривнутриполитической риторики российской власти. В 2024 г. эта риторика интенсифицировалась в связи с проведением Года семьи. Тематические года рассматриваются нами в качестве федерального инструмента привлечения внимания общества к социально значимым темам и трансляции взгляда на них со стороны органов власти. Помимо социально-экономических мер, приурочиваемых к каждому такому году, федеральные и региональные планы мероприятий включают в себя ряд информационных и культурных мероприятий, нацеленных на формирование образа той темы, которой посвящен год. В случае с Годом семьи нас интересует вклад различных бюджетных институций, фактически включенных в систему государственной культурной политики, в реализацию декларируемого государством курса на укрепление общественного статуса семьи. Устойчивое внимание государства к теме семьи изучается преимущественно в поле исследований социальной политики. Мы же фокусируемся на культурных событиях как инструментах трансляции ценностных компонентов государственной семейной политики.

Относительно недавний всплеск интереса к изучению государственной культурной политики в России был связан с принятием в середине 2010-х гг.

Основ и Стратегии культурной политики. Анализируя эти документы, исследователи делали выводы о ее смешанном, либерально-патерналистском характере, выраженном в интеграции рыночных механизмов ее финансирования (Востряков, Тургаев, 2018); содержательно ее описывали как демодернизационно-направленную (Калинин, 2014) и консервативную (Флиер, 2018; Юлдашбаева, 2022). Единичные исследования были посвящены реализации культурной политики в регионах. Определенное внимание уделялось инфраструктуре культуры и подготовке кадров для нее на Кавказе (Горлова и др., 2019; Базиева, 2008). Исследовались региональные стратегии развития культуры: насколько они учитывают культурный потенциал региона и способствуют формированию его образа (на примере регионов Сибири), (Бакулина, 2013), какие показатели и индикаторы развития культуры в них включены (на примере Южного федерального округа), (Бычкова и др., 2023). Рассматривались практики отдельных ее агентов, например, вузов (Слепокуров, 2022; Суминова, 2022), фестивалей (Барабанов, 2014), корпораций (Жидкова, Тулаева, 2020), музеев (Zabalueva, 2017; Саркисов, 2019; Бычкова, 2020).

Мозаичность этого исследовательского поля во многом обусловлена многосложностью культурной политики как явления. Она реализуется на разных уровнях, разными агентами при помощи иногда уникальных механизмов. Однако в редких работах исследовательское внимание уделяется этой сложности (см., напр.: Жидкова, Тулаева, 2020). Зачастую предметом изучения выступает либо содержание нормативных актов, либо практики конкретной институции. В оптику отечественных исследований практически не попадают различия между регионами в реализации культурной политики или сравнение агентности разных ее акторов и ряд других вопросов, связанных с важными для зарубежных исследователей феноменами децентрализации государственной культурной политики, умножения ее форм (Kawashima, 1997), секторального дезагрегирования¹ (Gray, 2015).

В связи с интересом отечественных исследователей культурной политики к содержанию ее стратегических документов, мы проанализировали связь между ценностными установками относительно семьи, закрепленными в этих документах, и ценностным посланием конкретных культурных проектов, реализованных в 2024 г. в Год семьи в одной из региональных столиц, а именно – в Екатеринбурге. Сохраняя внимание к глобальным тенденциям децентрализации и секторального дезагрегирования культурной политики, мы выдвинули предположение о том, что реализация этой повестки зависит от уровня подчинения культурной институции (федеральный, региональный или муниципальный). Наше исследование нацелено на соотнесение специфики ценностной повестки Года семьи 2024, транслируемой в приуроченных к нему локальных культурных проектах, с представлением о семейных ценностях, конструируемых в государственной культурной политике. Для этого выявлены ценностные установки,

¹ Интенсивная вертикальная и горизонтальная дифференциация организационного плана, ведущая как к установлению различных форм интеграции между агентами культурной политики, так и к нарушению связей между ними.

содержащиеся в релевантных федеральных и региональных стратегических документах. Эти установки сопоставлены с ценностными акцентами локальных культурных событий, приуроченных к тематическому Году.

Векторы государственной культурной политики, определяющие ценностное наполнение Года семьи как ее инструмента, заложены в различных стратегических документах. Рамки государственной культурной политики и семейной политики определяют на федеральном уровне – в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030² года и Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025³ года; на региональном – в Стратегии реализации государственной культурной политики в Свердловской области до 2035⁴ года и Концепции реализации государственной семейной политики в Свердловской области на период до 2020⁵ года.

Исследуя содержание этих текстов, мы в их риторике реконструируем образы семьи. Ориентиры, которые задают эти документы культурным институциям, мы сравниваем со способами репрезентации темы семьи в различных проектах и событиях, организованных в течение января–июля 2024 г. различными агентами культурной политики⁶. В качестве поля для исследования локальных проектов был выбран Екатеринбург.

Екатеринбург является крупным мегаполисом с конкурентным культурным полем, где находятся культурные институции федерального, регионального и муниципального подчинения⁷, представляющие как классические, так и современные экспозиционные практики, обращающиеся к разным аудиториям, и, гипотетически, предлагающие в своих проектах различные подходы к осмыслению интересующей нас темы семьи.

² Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (в ред. Распоряжения Правительства Рос. Федерации от 30.03.2018 № 551-р). Взято 10 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/all/105704/> Авторами исследуется именно эта редакция, так как она являлась действующей в рассматриваемый период.

³ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 25.08.2014 № 1618-р. Взято 10 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/all/92699/>

⁴ Стратегия реализации государственной культурной политики в Свердловской области до 2035 года (в ред. Постановлений Правительства Свердловской области от 24.12.2021 № 954-ПП, от 24.11.2022 № 814-ПП). Взято 10 сентября 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/561427548>

⁵ Концепция реализации государственной семейной политики в Свердловской области на период до 2020 года. Взято 10 сентября 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/553233957>

⁶ В стратегических федеральных документах широкий спектр этих институций назван субъектами культурной политики. Мы же используем применительно к ним термин «агенты», предполагая, что все они имеют способность действовать, а вот степень их автономии может варьироваться.

⁷ Помимо них также существует ряд заметных частных институций и инициатив, которые вносят вклад в развитие городской культуры и публики.

Результаты исследования

Предметной областью настоящего исследования стали институции локального уровня: десять музейных площадок и две библиотеки в городе Екатеринбурге⁸. Они оказались в фокусе нашего внимания, поскольку выступают коммуникативными площадками, интенсивно взаимодействующими с аудиторией, и достаточно мобильными в плане изменения повестки. Кроме того, музейные проекты и события, посвященные семье, вносят значительный вклад в реализацию культурной политики государства, поскольку являются одними из мощных культурных агентов. Музеи также относятся к числу институций, которые у аудитории прочно ассоциируются с культурой, понимаемой как общественное благо и как самостоятельная ценность, облагораживающая человека⁹.

Согласно данным ВЦИОМ¹⁰ и Ромир¹¹, в долгосрочной и краткосрочной перспективах наблюдается устойчивый рост аудитории музеев. Исследовательское внимание к музею как агенту государственной культурной политики позволяет ответить на вопрос – насколько конкретные институции вовлечены в реализацию её крупных проектов.

Поиск событий, связанных с Годом семьи, осуществлялся нами по сайтам культурных институций. Выбирались все события (выставки, дискуссии, мастер-классы и т. п.), в названии или описании которых слово «семья» задавало или поддерживало тематическую рамку события; далее в анонсах выделялись ключевые слова, конкретизирующие контекст, в котором употребляется слово «семья». Эта процедура аналогична кодированию в обоснованной теории (Strauss, Corbin, 1998). Таким образом были определены ценностные и смысловые акценты в репрезентации темы семьи культурными институциями.

⁸ Перечень институций: 1) муниципального подчинения: Екатеринбургский музей изобразительных искусств, Музей истории Екатеринбурга, Фотографический музей Дом Метенкова, Дом-Музей Д. Н. Мамина-Сибиряка и Дом-Музей П. П. Бажова (в рамках Объединенного музея писателей Урала), Екатеринбургский музейный центр народного творчества «Гамаюн»; Центральная городская библиотека им. А. И. Герцена; 2) регионального подчинения: Музей истории и археологии Урала, Музейный клуб «Дом Агафуровых», Музейно-выставочный центр «Дом Поклевских-Козелл» (площадки Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера), Мультимедийный исторический парк «Россия – Моя история. Свердловская область», Свердловская областная библиотека для детей и молодежи им. В. П. Крапивина; 3) федерального подчинения: Уральский филиал Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

⁹ Идеологические проекты и теоретические дискуссии. Взято 10 сентября 2024, с <https://cultureofhappiness.tilda.ws/ideologyandtheory>

¹⁰ Тренды культурного досуга: 1992–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-kulturnogo-dosuga-1992-2022> (дата обращения: 10.09.2024).

¹¹ Россияне стали в два раза чаще посещать выставки и музеи в 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://romir.ru/press/rossiyane-stali-v-dva-raza-chashche-poseshchat-vystavki-i-muzei-v-2023-godu---issledovanie> (дата обращения: 10.09.2024).

Государственный взгляд на семью и семейные ценности очерчивается в риторике ключевых стратегических документов, а важным способом трансляции этого взгляда в общественное пространство выступает практика Посланий Президента РФ Федеральному собранию (Ковба, 2023). Вместе они задают дискурсивные рамки, в которых формируются определенные образы реальности (Русакова, Максимов, 2006). В Стратегии государственной культурной политики (п. 2.3) семья позиционируется в качестве значимого общественного института, «обеспечивающего воспитание и передачу от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм»¹².

Эти ценности проясняются и в указанной Стратегии, и в Концепции государственной семейной политики (п. 2)¹³: сохранение устойчивых связей между поколениями (многопоколенная семья), традиционный формат семьи (семья как союз мужчины и женщины), ценность материнства и детства (установка на рождение детей и многодетность как желаемая норма). Именно эти ценностные представления о семье мы далее рассматриваем как ориентир, задаваемый государственной культурной политикой.

Региональные власти, выступая проводниками государственной культурной и семейной политики, расставляют в ней собственные акценты. Особенностью Стратегии реализации государственной культурной политики в Свердловской области до 2035 года является отсутствие риторики, связанной с семьей и семейными ценностями. Аксиологические отсылки в документе представляют собой абстрактные формулировки: «ценности прошлого», «ценностные основы жизни российского общества», «подлинные ценности культуры» и т. п. Документ, наряду с признанием ценности культуры как таковой, декларирует (п. 2.1) возрастающее значение инструментального подхода к культуре, «при котором она становится ресурсом развития Свердловской области, фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений»¹⁴. Такой подход обозначен и в федеральной Стратегии (п. 2.1): культура рассматривается в контексте необходимости «осуществления экономической и социальной модернизации страны в исторически короткий срок, переход [а] к интенсивному пути развития, обеспечивающему готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира», которые

¹² Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (в ред. Распоряжения Правительства Рос. Федерации от 30.03.2018 № 551-р). Взято 10 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/all/105704/>

¹³ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 25.08.2014 № 1618-р. Взято 10 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/all/92699/>

¹⁴ Стратегия реализации государственной культурной политики в Свердловской области до 2035 года (в ред. Постановлений Правительства Свердловской области от 24.12.2021 № 954-ПП, от 24.11.2022 № 814-ПП). Взято 10 сентября 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/561427548>

«не представляются возможными без планомерных и последовательных инвестиций в человека»¹⁵. Документ о семейной политике Свердловской области содержит определение семьи как социального института, обеспечивающего воспроизводство и развитие общественной системы, и меняющего свои характеристики со временем¹⁶. Такая формулировка не содержит явной ценностной нагрузки, но определяет желаемые параметры семьи.

Репрезентацию темы семьи в риторике бюджетных культурных институций Екатеринбурга мы провели с глубиной в четыре года, чтобы определить, возник ли в 2024 г. в связи с проведением Года семьи заметный акцент на этой теме, изменились ли ракурсы ее рассмотрения. Начав с анализа анонсов музеев за 2021–2023 гг., мы обнаружили 15 выставок, затрагивающих тему семьи.

За первое полугодие 2024 г. во всех музеях Екатеринбурга, финансируемых из бюджетов разных уровней, были организованы две выставки, непосредственно обращенные к теме семьи. С 21 марта по 7 июля 2024 г. в Музее истории Екатеринбурга работала выставка «Род Патрушевых». В ее описании прослеживается образ семьи, поколение за поколением вносящей вклад в индустриальное развитие Урала. С 31 мая по 29 июня в музейном центре «Гамаюн» проходила выставка «Семейные традиции», на которой был представлен раритетный домашний текстиль как символ домашнего тепла и уюта.

В остальных музеях к теме семьи обращаются не через выставки, а через серию событий. Несколько общероссийских акций, например, «Всей семьей в музей», «Ночь музеев», были приурочены к тематическому Году семьи. В их описаниях делался акцент на мероприятия, ориентированные на детей, но для больших культурных проектов Екатеринбурга в целом характерно выделение семей с детьми в качестве одной из целевых аудиторий. Практически каждый музей из нашей выборки приурочил какое-либо мероприятие ко Дню семьи, любви и верности, который празднуется 8 июля (тематические экскурсии, лекции, театральные спектакли, мастер-классы и т. д.). Анонсы отличаются краткостью, обусловлены характером постоянных выставок музея. Так, на двух площадках Свердловского областного краеведческого музея несколько событий были связаны с семьей Николая II и с семьей купцов Агафуровых. В Объединенном музее писателей Урала – с семьями Маминых и Бажовых. В целом тема семьи в музейных практиках 2024 г. раскрывается через отсылки к уютному домашнему быту и к историям конкретных семей. В большинстве своем анонсы не описывают составляющие этого уюта и фрагменты этих историй.

В тех же музеях в 2021–2023 гг., когда тема семьи не была акцентирована культурно-политическими инструментами федерального уровня, обращение

¹⁵ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (в ред. Распоряжения Правительства Рос. Федерации от 30.03.2018 № 551-р). Взято 10 сентября 2024, с <http://government.ru/docs/all/105704/>

¹⁶ Концепция реализации государственной семейной политики в Свердловской области на период до 2020 года. Взято 10 сентября 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/553233957>

к быту и к частным историям также являлись характерными приемами разговора о ней. Анонсы, в отличие от 2024 г., подробнее описывали содержание и замысел выставок. Художественные выставки (всего пять) обращались к семейным историям самих художников. На этих выставках проблематизировались формы хранения памяти, связь личной идентичности и семейной памяти; поднималась тема творческой преемственности поколений; шел разговор о способности адаптироваться к новым условиям, возникающим в кризисные моменты жизни. Два патриотических фотопроекта о семьях военных «Жены героев» и «Мамы героев» в парке «Россия – Моя история» обращались к темам сохранения традиционных семейных ролей, сохранения памяти о подвиге и самопожертвовании, значимости совместного проживания утраты – для семьи и общества в целом. В нехудожественных выставках (всего восемь) через рассказ о типичных практиках (женское рукоделие, устройство дома, празднование Нового года, детские игры) акцентировалось внимание на любви к своему дому, поднимался вопрос о связи поколений и артефактах, в которых выражена эта связь. Через истории семей осмыслялось трагическое влияние на семью больших исторических событий или роль отдельных членов семьи в сохранении памяти о ней.

Библиотеки, как и музеи, подключились к реализации программы Года семьи. Так, например, Свердловская областная библиотека для детей и молодежи им. В.П. Крапивина в 2021–2023 гг. реализовала ряд регулярных проектов, связанных с семейным чтением. В 2024 г. эти проекты сохраняются и не меняют своего описания. Прямая связь с проведением тематического Года прописана в анонсе Библионочи, в публикации о федеральном проекте «Мама читает», нацеленном на сближение членов семьи. Центральная городская библиотека им. А.И. Герцена в течение тематического Года на публичной странице ВКонтакте регулярно анонсирует приуроченные к нему события, размещает отчеты о них, предлагает подборки книг. В публикациях раскрываются разные аспекты семейной жизни: сплочение (на примере семьи П.П. Бажова), конфликт (в дискуссии с психологом о различий ценностей у членов семьи), трагичность любви, семейное счастье (в описании литературной викторины), необходимость поддерживать друг друга, находить общий язык, улучшать семейную жизнь (в описании подборок книг). Ко Дню семьи, любви, и верности был подготовлен традиционный музыкальный концерт.

В целом, исследованные культурные институции проявляют устойчивый интерес к теме семьи на протяжении нескольких лет, а в 2024 г. к тематическому году были приурочены традиционно проводимые мероприятия (лекции, экскурсии, мастер-классы).

Заключение

В федеральных стратегических документах представления о семейных ценностях конкретизируются через следующие принципы и практики: взаимное уважение членов семьи, хранение и передача традиционных ценностей,

поддержание связи между поколениями, гетеросексуальность брака, его устойчивость во времени, рождение и воспитание в браке детей, желательность нескольких. В региональных же документах используются самые общие ценностные формулировки, что позволяет не менять их в зависимости от новых идей, закладываемых в федеральные стратегии и концепции. Подчеркиваемая отечественными исследователями интеграция рыночных механизмов финансирования в патерналистскую модель культурной политики отражена в региональном законодательстве.

Тематические мероприятия в исследованных локальных культурных институциях в 2024 г., не противореча стратегическим ориентирам, делают акцент, в целом, на одном сюжете – единении членов семьи. Устанавливать связи между поколениями предлагается через создание микро-традиций, через поддержание своего быта. Лишь одна институция упоминает возможность конфликтов в семье, впрочем, с выводом о необходимости снятия напряженности, поиска путей к согласию. Хотя не все мероприятия были напрямую соотнесены с Годом семьи (иногда отсутствует текстуальное упоминание Года, не всегда логотип интегрирован в афиши), они заимствуют отдельные элементы его официальной риторики – прежде всего акцент на традиции и на многопоколенную семью. Таким образом, на локальном уровне ценностная повестка Года семьи выглядит цельной.

При этом отметим, что в предшествующий период музеи, не единожды обращаясь к теме семьи, осмыслили ее в более разнообразных контекстах: в том числе, шел разговор о семейной истории как основании личной идентичности, как способе существования в Большой истории, о проживании кризисов и неустойчивости семейной памяти. Мы предполагаем, что внимание государства к теме семьи содержательно ограничило высказывания музеев, сместив фокус со сложности и многообразности семейного опыта на образы счастливых семейных будней.

Мы исходили из гипотезы, что культурные институции разного уровня подчинения в разной степени включены в поддержание ценностной повестки Года семьи. Однако оказалось, что такая зависимость не просматривается ни на уровне активности (числа мероприятий), ни на уровне содержания (форматов и риторики). Так, например, регулярно организовывались события на площадках Областного краеведческого музея, а проект «Россия – моя история», также учрежденный областным Министерством культуры, оказался практически не вовлечен в поддержание тематической повестки.

В целом, ранее в отечественных исследованиях не предпринимавшееся соотнесение федеральных ценностных установок относительно семьи с риторикой бюджетных культурных институций, включенных в систему государственной культурной политики, позволяет увидеть, в какой степени эти установки имплементированы в культурное предложение. В перспективе эта работа может выступить одной из точек отсчета для ответа на вопрос о зависимости риторики локальных институций от корректировки ценностных ориентиров государственной культурной политики (в сентябре 2024 г.

была обновлена редакции Стратегии)¹⁷. Сопоставляя полученные результаты с результатами других работ по региональной культурной политике, мы предлагаем на перспективу четко сформулировать два вопроса, которые беспокоят, но напрямую пока не проговариваются в исследованиях: 1) как сочетаются в работе локальных институций установка на прибыльность и на динамический набор ценностных ориентиров; 2) что в большей степени определяет культурное предложение локальных институций (и вкладываемые в него ценности) – собственная логика городов или федеральные стратегические документы.

Список литературы

1. Базиева, Г.Д. (2008). Культурная политика России на Северном Кавказе (на примере Кабардино-Балкарии). *Вопросы культурологии*, (1), 42–44.
2. Бакулина, С.Д. (2013). Региональная культурная политика в контексте государственной культурной политики Российской Федерации (на примере южных регионов Западной Сибири). *Вестник Омского университета*, (3), 165–170.
3. Барабанов, А.А. (2014). Механизмы культурной политики Российской Федерации в области поддержки и развития фестивалей классической музыки. *Культура и цивилизация*, (1–2), 10–19.
4. Бычкова, О.И. (2020). Музеи Чечни в контексте региональной культурной политики: практики защиты и восстановления культурных ценностей. *Культура: управление, экономика, право*, (3), 30–35.
5. Бычкова, О.И., Костина Н.А., Саркисова Е.Г. (2023). Эффективность стратегий региональной культурной политики юга России. *Культура и образование*, (3), 23–34. <https://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-23-34>
6. Востряков, Л.Е., Тургаев А.С. (2018). Новая модель государственной культурной политики России. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*, (3), 6–16. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2018-3-6-16>
7. Горлова, И.И., Коваленко, Т.В., Крюков, А.В. и др. (2019). *Региональная культурная политика: методология институты практики: Ценностно-нормативный подход: монография*. Москва: Ин-т наследия Лихачева.
8. Жидкова, Н.Г., Тулаева, С.А. (2020). Культурная политика в российских регионах: коренные народы, государство и корпорации. *Журнал исследований социальной политики*, 18(3), 429–444. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-429-444>

¹⁷ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (в ред. Распоряжения Правительства Рос. Федерации от 11.09.2024 № 2501-р). Взято 17 сентября 2024, с <http://static.government.ru/media/files/jIx0zkwFvU0sCnXIQTwPZO0RqTMMVL7v.pdf>

9. Калинин, И. (2014). Наш паровоз... Культурная политика как инструмент демодернизации. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, (6), 85–94.
10. Ковба, Д.М. (2023). Семья и семейные ценности в президентском дискурсе: содержание, анализ, дискуссия. *Россия и современный мир*, (2), 6–25. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.02.01>
11. Русакова, О.Ф., Максимов, Д.А. (2006). Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса. *Полис. Политические исследования*, (4), 26–43. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.04.04>
12. Саркисов, В.А. (2019). Художественные музеи Юга России в системе прикладных задач культурной политики: специфика корпоративной социальной ответственности. *Наследие веков*, (1), 139–145.
13. Слепокуров, В.С. (2022). Образовательные стратегии вузов культуры в контексте задач государственной культурной политики России. *Культура и образование*, (3), 5–13. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-346-5-13>
14. Суминова, Т.Н. (2022). Арт-менеджмент как проектный механизм реализации государственной культурной политики. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, (1), 138–146. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-1105-138-146>
15. Флиер, А.Я. (2018). Культурная политика и идеология. *Научный электронный журнал «Культура культуры»*, (4). Взято 15 сентября 2024, с <http://cult-cult.ru/kuliturnaya-politika-i-ideologiya/>
16. Юлдашбаева, А.Ш. (2022). Консервативная ориентация и социокультурные основания государственной культурной политики России. *Юридическая наука: история и современность*, (9), 63–69.
17. Gray, C. (2015). 'My Name is Legion for We are Many': Cultural Policies, Sectoral Disaggregation and Differentiated Network Specificity. *International Public Policy Conference*, Milan. Retrieved September 16, 2024, from <https://warwick.ac.uk/fac/arts/scapvc/ccmps/staff/gray/research/>
18. Kawashima, N. (1997). Theorising decentralisation in cultural policy: Concepts, values and strategies. *The European Journal of Cultural Policy*, 3(2), 341–359. <https://doi.org/10.1080/10286639709358053>
19. Strauss, A., & Corbin, J. (1998). *Basics of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques*. London [et al.]: Sage Publications.
20. Zabalueva, O. (2017). Cultural Policies in Russian Museums. *Museum International*, 69(3–4), 38–49. <https://doi.org/10.1111/muse.12171>

References

1. Bakulina, S.D. (2013). Regional'naya kul'turnaya politika v kontekste gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossiyskoy Federatsii (na primere yuzhnykh regionov Zapadnoy Sibiri) [Regional cultural policy in the context of the cultural

policy of the Russian Federation (based on the example of the southern regions of West Siberia)]. *Vestnik Omskogo universiteta*, (3), 165–170.

2. Barabanov, A. A. (2014). Mekhanizmy kul'turnoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti podderzhki i razvitiya festivaley klassicheskoy muzyki [Mechanisms of cultural policy of the Russian Federation in the promotion of classical music festivals]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, (1–2), 10–19.

3. Bazieva, G. D. (2008). Kul'turnaya politika Rossii na Severnom Kavkaze (na primere Kabardino-Balkarii) [Cultural policy of Russia in the North Caucasus (on the example of Kabardino-Balkaria)]. *Voprosy kul'turologii*, (1), 42–44.

4. Bychkova, O. I. (2020). Muzei Chechni v kontekste regional'noy kul'turnoy politiki: praktiki zashchity i vosstanovleniya kul'turnykh tsennostey [Museums in Chechnya within the framework of the regional cultural policy: cultural value protection and restoration practices]. *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo*, (3), 30–35.

5. Bychkova, O. I., Kostina N. A., & Sarkisova E. G. (2023). Effektivnost' strategiy regional'noy kul'turnoy politiki yuga Rossii [The effectiveness strategies of regional cultural policy in the south of Russia]. *Kul'tura i obrazovanie*, (3), 23–34. <https://doi.org/10.2441/2310-1679-2023-350-23-34>

6. Flier, A. Ya. (2018). Kul'turnaya politika i ideologiya [Cultural policy and ideology]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal "Kul'tura kul'tury"*, (4). Retrieved September 15, 2024, from <http://cult-cult.ru/kulturnaya-politika-i-ideologiya/>

7. Gorlova, I. I., Kovalenko, T. V., & Kryukov, A. V. et al. (2019). *Regional'naya kul'turnaya politika: metodologiya instituty praktiki: Tsennostno-normativnyy podkhod: monografiya* [Regional cultural policy: methodology, institutes of practice: Value-normative approach: Monograph]. Moscow: In-t naslediya Likhacheva.

8. Gray, C. (2015). 'My Name is Legion for We are Many': Cultural Policies, Sectoral Disaggregation and Differentiated Network Specificity. *International Public Policy Conference*, Milan. Retrieved September 16, 2024, from <https://warwick.ac.uk/fac/arts/scapvc/ccmps/staff/gray/research/>

9. Kalinin, I. (2014). Nash parovoz... Kul'turnaya politika kak instrument demodernizatsii [Our steam locomotive... Cultural policy as a tool of demodernization]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture*, (6), 85–94.

10. Kawashima, N. (1997). Theorising decentralisation in cultural policy: Concepts, values and strategies. *The European Journal of Cultural Policy*, 3(2), 341–359. <https://doi.org/10.1080/10286639709358053>

11. Kovba, D. M. (2023). Sem'ya i semeynye tsennosti v prezidentskom diskurse: sodержanie, analiz, diskussiya [Family and family values in presidential discourse: content, analysis, discussion]. *Rossiya i sovremennyy mir*, (2), 6–25. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.02.01>

12. Rusakova, O. F., & Maksimov, D. A. (2006). Politicheskaya diskursologiya: predmetnoe pole, teoreticheskie podkhody i strukturnaya model' politicheskogo diskursa [Political discoursology: subject field, theoretical approaches, and a structural model of political discourse]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 26–43. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.04.04>

13. Sarkisov, V.A. (2019). Khudozhestvennyye muzei Yuga Rossii v sisteme prikladnykh zadach kul'turnoy politiki: spetsifika korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti [Art museums of the South of Russia in the system of applied tasks of cultural policy: specificity of corporate social responsibility]. *Nasledie vekov*, (1), 139–145.

14. Slepokurov, V.S. (2022). Obrazovatel'nye strategii vuzov kul'tury v kontekste zadach gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossii [Educational strategies of university of culture in the context of the tasks of the state cultural policy of Russia]. *Kul'tura i obrazovanie*, (3), 5–13. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-346-5-13>

15. Strauss, A., & Corbin, J. (1998). *Basics of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques*. London [et al.]: Sage Publications.

16. Suminova, T.N. (2022). Art-menedzhment kak proektnyy mekhanizm realizatsii gosudarstvennoy kul'turnoy politiki [Art management as a project mechanism for the implementation of state cultural policy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, (1), 138–146. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-1105-138-146>

17. Vostryakov, L.E., & Turgaev A.S. (2018). Novaya model' gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossii [New model of state cultural policy of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, (3), 6–16. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2018-3-6-16>

18. Yuldashbaeva, A. Sh. (2022). Konservativnaya orientatsiya i sotsiokul'turnye osnovaniya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossii [Conservative orientation and socio-cultural policy of the state cultural policy of Russia]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, (9), 63–69.

19. Zabalueva, O. (2017). Cultural Policies in Russian Museums. *Museum International*, 69(3–4), 38–49. <https://doi.org/10.1111/muse.12171>

20. Zhidkova, N.G., & Tulaeva, S.A. (2020). Kul'turnaya politika v rossiyskikh regionakh: korennyye narody, gosudarstvo i korporatsii [Cultural policy in russia's regions: the state, corporations and indigenous people]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 18(3), 429–444. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-429-444>

Информация об авторах

Вахрушева Евгения Александровна, кандидат политических наук, ученый секретарь Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8838-2749>, e-mail: evgenia.vakhrusheva@mail.ru

Кочухова Елена Сергеевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>, e-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

Information about the authors

Evgenia A. Vakhrusheva, Candidate of Sciences (Political Sciences), Scientific Secretary of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8838-2749>, e-mail: evgenia.vakhrusheva@mail.ru

Elena S. Kochukhova, Candidate of Philosophy, Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>, e-mail: elena.kochukhova@yandex.ru
